

О.Ю. Кузнецов

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ПРАВ ГРАЖДАН, НЕ ВЛАДЕЮЩИХ ЯЗЫКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Социально-экономические и этнополитические процессы начала 90-х гг. XX в. на территории бывшего Союза ССР в корне изменили не только мировую геополитику, но и оказали существенное влияние на изменение характера и содержания деятельности отечественных правоохранительных органов. Объективными реальностями сегодняшнего дня стала интернационализация преступных сообществ на территории России, выразившаяся не только в появлении на ее территории криминальных группировок, организующихся по национальному признаку (т.н. «общин») из уроженцев стран ближнего зарубежья или отдельных субъектов РФ, но и в создании полиэтнических общностей, преследующих противоправные цели. Итогом их деятельности стало резкое увеличение числа правонарушений и преступлений, совершенных лицами, не владеющими или владеющими в недостаточной мере русским языком – государственным языком Российской Федерации и официальным языком судопроизводства на ее территории, в отношении которых международное и российское законодательство устанавливает особые нормы обеспечения уголовно-процессуальных действий. Эти нормы в своей реализации требуют новых теоретических и практических подходов, которые, к сожалению, еще не выработаны практикой отечественного правоприменения или не получили научно-теоретического обобщения. Данная статья имеет целью показать некоторые возможные механизмы обеспечения в уголовном процессе прав граждан, не владеющих языком судопроизводства.

В отечественной юридической литературе данная тема еще никогда не получала своего рассмотрения, а поэтому говорить о какой-либо библиографии этого вопроса не представляется возможным. В силу теоретической неизученности данной проблематики, актуальность которой постоянно возрастает по мере приобретения российским государством правового характера, следует обратить внимание на научное обоснование системы мер и нормативно регламентированных способов их реализации, гарантирующих и обеспечивающих в следственном и судебном разбирательстве права человека и гражданина, если лицо, подвергнутое уголовному преследованию, не владеет языком судопроизводства (права на уважение чести и достоинства личности, права на защиту, права на рассмотрение дела независимым и непредвзятым судом и др.). Поэтому задачей нашей статьи является не только систематизация существующих норм отечественного законодательства и правил судебной практики, относящихся к рассматриваемому вопросу, но и выявление и характеристика нормативных актов, лежащих вне плоскости уголовно-процессуального закона, которые могут способствовать его более успешному применению при одновременном повышении защищенности прав и законных интересов личности, которая, согласно букве постановления Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П, «в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов»¹.

Как известно, использование языка судопроизводства и делопроизводства в органах охраны правопо-

рядка регулируется ст. 10 федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» от 23 октября 1996 г. (31 декабря 1996 г.) № 1-ФКЗ² (в редакции федерального конституционного закона от 15 декабря 2001 г. № 5-ФКЗ³), ст. 6 федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» от 20 мая 1999 г. (23 июня 1999 г.) № 1-ФКЗ⁴, ст. 18 УПК РФ⁵ (введен в действие федеральным законом от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ, статья в редакции федерального закона от 26 апреля 2002 г. (29 мая 2002 г.) № 58-ФЗ⁶) и ст. 18 закона РСФСР «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 г.⁷ (в редакции федерального закона от 5 июня 1998 г. (24 июля 1998 г.) № 126-ФЗ⁸). Кроме того, эти вопросы разъяснены в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. № 5 «О порядке применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту»⁹. Напомним их принципиальное содержание:

- официальным языком судопроизводства, следственного и судебного делопроизводства является государственный язык Российской Федерации – русский язык;
- судопроизводство и делопроизводство в Конституционном Суде РФ, Верховном Суде РФ, Высшем Арбитражном Суде РФ, иных арбитражных судах, военных судах ведется на русском языке – государственном языке Российской Федерации;
- в субъектах Российской Федерации судопроизводство и делопроизводство в правоохранительных органах может осуществляться как на русском языке, так и на языке субъекта РФ или на языке большинства иноязычного населения, проживающего в определенной местности;
- если подозреваемый, обвиняемый или подсудимый не владеют государственным языком РФ, субъекта РФ или иным языком судопроизводства, то ему разъясняется и обеспечивается право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке, все процессуальные документы также должны вручаться ему на родном языке или на языке, которым он свободно владеет, а к участию в процессе в обязательном порядке приглашается переводчик;
- нарушение порядка использования языка судопроизводства или делопроизводства в правоохранительных органах является основанием для отмены судебного решения и всех других процессуальных решений (задержание, арест, объявление в розыск и др.) по делам, находящимся в производстве, влекущим за собой направление дела на повторное рассмотрение или на повторное рассмотрение в суде.

Указанные выше процессуальные нормы направлены на действенную защиту одного из важнейших общепринятых прав личности – права национальной и языковой самоидентификации, которое нашло свое закрепление в российском конституционном законодательстве. В частности, ч. 2. ст. 26 Конституции РФ гарантирует каждому право на пользование родным языком и свободный выбор языка общения, а ст. 68, определяя, что государственным языком Российской Федера-

ции является русский язык (ч. 1), вместе с тем предоставляет право республикам самостоятельно устанавливать свои государственные языки, которые в органах государственной власти государственных учреждениях республик употребляются наравне с государственным языком Российской Федерации (ч. 2)¹⁰. Эти конституционные нормы и принятые на их основе законоположения применительно к практике судопроизводства получили дополнительное расширенное толкование в ряде постановлений Верховного Суда РСФСР, регламентирующих отдельные частные вопросы судопроизводства (подробнее на них мы укажем ниже).

Особо подчеркнем, что все эти положения отечественного законодательства находятся в полном соответствии с нормами международного права, закрепленными в Международном пакте о гражданских и политических правах, принятом резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г., Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятой Советом Европы на Римском конгрессе 4 ноября 1950 г. (с последующими изменениями и дополнениями на 1 января 1990 г., внесенными на основании факультативного протокола № 8), а также в «Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме», утвержденного резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1988 г.

Так, в ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах закреплено право каждого обвиняемого «быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявленного ему обвинения» (п. «а»), а также «пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке» (п. «б») ¹¹. Эти нормы текстуально повторяются и в пп. «а» и «е» ч. 3 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая дополнительно содержит положение, закрепленное в п. 2 ст. 5, о том, что «каждому арестованному сообщаются незамедлительно на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявленное ему обвинение» ¹². В принципе 14 «Свода принципов защиты всех лиц, подвергшихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме» определяется, что «лицо, которое недостаточно хорошо понимает или говорит на языке, используемом властями, ответственными за его арест, задержание или заключение, имеет право на получение как можно скорее на языке, который он понимает», информации о причинах ареста или задержания, постановлении о задержании, предъявляемых обвинениях, а также своих процессуальных правах и способах их реализации ¹³.

Российские уголовно-процессуальные нормы не только находятся в полном соответствии с нормами международного права, но в отдельных положениях они даже превосходят их, например: отечественное законодательство предусматривает безусловную отмену всех судебных решений и результатов следственных действий, осуществленных с нарушением гражданского права человека на национально-языковую самоидентификацию. Судебной практикой, закрепленной в постановлениях и определениях Верховного Суда РСФСР и РФ и его коллегий, признаются существенным нарушением уголовно-процессуального законодательства, влекущими отмену приговора, факты: а) проведения предварительного следствия или судебного разбирательства без участия переводчика, если обвиняемый (подсудимый) не владеет языком, на котором ведется судопроизводство ¹⁴; б) необеспечения подсудимому перевода показаний свидетелей, допрошенных в судебном заседании ¹⁵; в) непредоставления обвинительного заключения в переводе на язык, которым владеет подсудимый ¹⁶. Кроме того,

аналогично расцениваются случаи: а) рассмотрения дела в отсутствие переводчика, если хотя бы один из судей не владел языком судопроизводства и б) совмещения одним лицом функций переводчика и следователя ¹⁷. Таким образом, в уголовно-процессуальном праве России создана действенная система норм и практики их правоприменения, в значительной мере гарантирующая и обеспечивающая соблюдение прав граждан, не владеющих языком судопроизводства.

Вместе с тем отечественное уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм или правил, устанавливающих формальные критерии, по которым должностные лица, производящие дознание и следствие, могли бы определять, владеет ли подозреваемый (подследственный, обвиняемый) языком судопроизводства и, следовательно, должны ли в отношении его осуществляться процессуальные действия, связанные с обеспечением его права на национально-языковую самоидентификацию. В настоящее время органы дознания и следствия, а также суд в этом вопросе вынуждены руководствоваться весьма расплывчатой формулировкой, введенной определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1974 г. № 8, согласно которому «по смыслу закона не владеющим языком судопроизводства считается лицо, которое не в состоянии свободно его понимать и бегло отвечать на нем по всем вопросам, составляющим предмет судопроизводства, хотя бы оно в известной степени и было знакомо с этим языком» ¹⁸. Более конкретную трактовку критериев владения языком судопроизводства содержит научно-практический комментарий к УПК РФ, который сообщает, что «не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, является лицо, не понимающее устную или письменную речь, на котором ведется судопроизводство», а «недостаточно владеющим языком судопроизводства следует признавать лицо, которое плохо понимает устную и (или) письменную речь на этом языке и не умеет свободно разговаривать на нем», при этом, по мнению авторов комментария, «оценка соответствующих знаний и умений должна осуществляться исходя из возможности их применения в ходе производства по конкретному уголовному делу с учетом специфики используемой в нем терминологии» ¹⁹. Однако и такая трактовка не может быть полностью приемлема при решении вопроса о степени владения участником процесса русским языком как языком судопроизводства, на наш взгляд, по двум причинам: во-первых, комментарий как таковой не является основанием для правоприменения конкретных норм, во-вторых, он также не содержит описания конкретных «технических» приемов оценки уровня языковой подготовки подозреваемого (подследственного, обвиняемого).

Однако в настоящее время в системе российской высшей школы существует целый комплекс научно-методических разработок, имеющих статус ведомственных нормативных документов, позволяющих определять степень владения иностранными гражданами и лицами без гражданства русским языком, – Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному, который был утвержден Президиумом Совета учебно-методического объединения ВУЗов РФ по педагогическому образованию Министерства общего и профессионального образования РФ (протокол 192/522 от 14 апреля 1998 г.) ²⁰. Этот стандарт лежит в основе Российской государственной системы тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку, а его разработчиками являются МГУ им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский университет дружбы народов и Санкт-Петербургский государственный технический университет. На основании стандарта создана Российская государственная система сертификационных уровней обще-

го владения русским языком как иностранным, включающая в себя пять уровней (базовый и четыре сертифицированных), которая включена в европейскую структуру языкового тестирования ALTE. Следовательно, применение критериев Государственного образовательного стандарта по русскому языку как иностранному при определении степени владения лицом, привлекаемым к уголовной ответственности или участию в уголовном процессе в ином качестве, языком судопроизводства будет соответствовать всем российским и международным правилам.

Исходя из требований указанного выше стандарта, лицом, в полной мере владеющим языком судопроизводства, может быть признан человек, познания которого в русском языке будут соответствовать базовому уровню владения им, при котором человек сможет «удовлетворять самые необходимые коммуникативные потребности при общении с носителями языка в ограниченном числе прогнозируемых ситуаций»²¹. Согласно букве Государственного образовательного стандарта по русскому языку как иностранному базового уровня, «при решении определенных коммуникативных задач иностранец должен уметь вербально реализовывать следующие коммуникативные интенции» (т.е. в устной речи в соответствии с местом и ситуацией соблюдать общественно значимые правила общения):

- контактоустанавливающие, т.е. «вступать в коммуникацию, знакомиться с кем-либо, представляться или представлять другого человека, здороваться, прощаться, обращаться к кому-либо, благодарить, извиняться, отвечать на благодарность и извинения, поздравлять, просить повторить, переспрашивать, выражать пожелания»;
- информационные, т.е. «задавать вопрос и сообщать о факте или событии, лице, предмете, о наличии или отсутствии лица или предмета; о количестве предметов, их качестве и принадлежности; о действии, времени и месте, причине и цели действия или события»;
- оценочные, т.е. «выражать намерение, желание, просьбу, пожелание, совет, предложение, приглашение, согласие или несогласие, отказ, разрешение или запрещение, обещание, неуверенность», а также «выражать свое отношение: давать оценку лицу, предмету, факту, событию».

Кроме того, при аудировании (т.е. восприятию на слух) чужой монологической речи объемом до 400 слов иностранец и любое другое лицо, познание которого в русском языке вызывают сомнения, должен понять «информацию, содержащуюся в монологическом высказывании: тему, главную и дополнительную информацию каждой смысловой части сообщения с достаточной полнотой и точностью». При чтении он должен уметь «читать текст с установкой на общий охват его содержания; определять тему текста, понять его основную идею; понять как основную, так и дополнительную информацию, содержащуюся в тексте, с достаточной полнотой, точностью и глубиной», при этом объем текста должен составлять до 400 слов²².

Фактически, человек, в отношении которого возбуждено уголовное производство или который вовлечен в уголовный процесс в качестве иного его участника, должен четко, точно и осмысленно сообщить должностному лицу, осуществляющему дознание или следствие, информацию о себе (биография: происхождение, детство, учеба, работа, интересы), своем семейном положении, профессиональной деятельности (сфера, должностной статус, функции), а также мотивированно высказать свое отношение к событию, послужившему основанием к возбуждению уголовного дела, рассказать о своем месте и роли в этом событии, своем видении его обстоятельств. Также этот человек должен адекватно воспри-

нять смысл и содержание предъявляемых лично ему обвинений (это особенно важно при расследовании участия в преступлении), признать их полностью или частично или не признать вообще, указав при этом причины своего несогласия. Как представляется, только в этом случае человек, не являющийся этническим носителем русского языка, может быть признан владеющим русским языком как основным языком судопроизводства в Российской Федерации. Иначе к участию в уголовном процессе следует привлекать переводчика.

Естественно, данная статья не может претендовать на роль методической (а, тем более, методологической) основы для проведения какой бы то ни было лингвистической экспертизы, она призвана только обозначить проблему и наметить пути ее решения. Создание соответствующей практической методики определения степени владения русским языком как языком судопроизводства, которая реально будет востребована и использована сотрудниками правоохранительных органов, – дело будущего.

В настоящее время наиболее действенным механизмом обеспечения в уголовном процессе прав граждан, не владеющих языком судопроизводства, является предоставление им бесплатных услуг переводчика. С его помощью обеспечивается не только конституционное право участника процесса, не владеющего или владеющего в неполной мере языком судопроизводства, пользоваться своим родным языком, но и право иных участвующих в деле лиц воспринимать информацию, передаваемую на другом языке, а также интересы правосудия.

Как известно, статус и компетенция переводчика в уголовном процессе, а также порядок его отвода от участия в судопроизводстве определены статьями 59 и 69 УПК РФ²³. Кратко укажем их принципиальные положения:

- переводчик привлекается к участию в уголовном процессе, когда подозреваемый, обвиняемый или подсудимый, а равно его защитник, один из судей, свидетели и иные участники процесса не владеют языком судопроизводства или делопроизводства в правоохранительных органах;
- переводчик обязан явиться в орган дознания или следствия, а также в суд по вызову и выполнить точно и полно порученный ему перевод;
- переводчик в случае заведомо неправильного перевода несет установленную статьями 307 и 310 УК РФ ответственность;
- переводчик может быть отстранен от участия в следственных и судебных действиях органами дознания, следствия, прокуратуры или судом, если он сам является субъектом этого процесса, родственником одной из сторон процесса, а также в случае, когда обнаружится его некомпетентность.

Следует отметить, что принятие в 2001 г. нового УПК РФ в вопросах законодательного закрепления компетенции и обеспечения деятельности переводчика является значительным шагом вперед по сравнению с ранее действующими нормами УПК РСФСР 1964 г. Впервые в отечественном уголовно-процессуальном законе (ч. 3. Ст.59) закреплены полномочия переводчика, который вправе:

- задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства в целях уточнения перевода;
- знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он принимает участие, а также с протоколом судебного заседания и делать замечания по поводу правильности перевода, подлежащие занесению в протокол;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

Таким образом, переводчик является самостоятельным, процессуально полноправным субъектом уголовного разбирательства, способным определять содержание, влиять на ход дознания, следствия, судебного слушания.

Однако УПК РФ, к сожалению, не содержит каких бы то ни было квалификационных требований, предъявляемых к профессиональной подготовке и грамотности переводчика, хотя при этом предусматривает возможность процедуры его отвода «в случае обнаружения некомпетентности» (ч. 2 ст. 69). Например, ч. 1 ст. 59 УПК РФ определяет: «переводчик – лицо, ... свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода», при этом научно-практический комментарий к этой статье указывает, что «прежде чем назначить переводчика (путем вынесения постановления, определения) следователь, дознаватель, прокурор, судья, суд должны убедиться в том, что лицо, которое назначается переводчиком, владеет языком, знание которого необходимо для перевода»²⁴. Но какими критериями при этом указанные должностные лица обязаны пользоваться, он не сообщает. Комментарий же к ст. 69 УПК РФ дает только квалифицирующие признаки профессиональной непригодности переводчика: «Некомпетентность ... может выражаться в его неумении точно и быстро передавать содержание переводимой информации, в низкой общей грамотности, в обладании ограниченным словарным запасом, в невладении навыками письменного перевода», хотя «само по себе отсутствие у лица, участвующего в деле в качестве переводчика, специального образования и опыта работы в качестве переводчика не может служить причиной его отвода ввиду обнаружившейся некомпетентности»²⁵. Фактически, как и в вопросе с определением степени владения языком судопроизводства, отечественное уголовно-процессуальное законодательство не имеет конкретных механизмов и методик определения уровня профессиональной пригодности переводчика. Наиболее общие критерии оценки его компетентности содержатся единственно в комментарии к ст. 18 УПК РФ: «В качестве переводчика может выступать лицо, которое свободно владеет как языком судопроизводства, так и языком, которым пользуется соответствующий участник процесса, может на этих языках не только разговаривать, но и читать и писать. При этом закон не предопределяет наличие у такого лица специального филологического образования и квалификации переводчика: главное, чтобы имеющиеся у него навыки обеспечивали решение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством»²⁶, но и они не позволяют объективно определить уровня его профессиональной пригодности.

Преодолению такого положения дел также может способствовать упоминавшийся выше Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Исходя из его требований, к участию в уголовном процессе в качестве переводчика может привлекаться человек, обладающий познаниями в русском языке в объеме II сертификационного уровня общего владения, который позволяет иностранцу «вести профессиональную деятельность на русском языке в качестве специалиста гуманитарного, инженерно-технического, естественнонаучного профилей»²⁷. Согласно букве Государственного образовательного стандарта по русскому языку как иностранному II сертификационного уровня, «при решении определенных коммуникативных задач иностранец должен уметь вербально реализовывать не только простые, но и сложные интенции, а также блоки речевых интенций, которые моделируют собственно коммуникативный процесс» (т.е. в устной и письменной речи в соответствии с местом и ситуацией, социальным статусом собеседников, нормами этикета соблюдать общественно значимые правила общения):

- контактоустанавливающие: «вступать в коммуникацию, инициировать беседу, поддерживать беседу, менять тему (направление) беседы, завершать беседу адекватно ситуации общения, приветствовать, привлекать внимание, представляться, представлять кого-либо, прощаться в соответствии с социальными ролями собеседников, благодарить, извиняться, поздравлять, соболезновать, желать удачи, приглашать»;
- регулирующие: «побуждать собеседника к совершению действия: выражать просьбу, совет, предложение, пожелание, требование, приказ, указание; реагировать на побуждение: выражать согласие (несогласие), разрешать, запрещать, возражать, сомневаться, обещать, заверять, давать гарантии, обнадеживать»;
- информативные: «запрашивать о событиях и фактах, об условиях, целях, причинах, следствиях, о возможности, вероятности, необходимости, а также дополнять, выяснять, уточнять, расспрашивать, объяснять и др.»;
- оценочные: «выражать и выяснять интеллектуальное отношение: высказывать желание, потребность, намерение, предпочтение, мнение, предложение, осведомленность; выражать и выяснять морально-этическую оценку: одобрять, хвалить, упрекать, осуждать, порицать; выражать и выявлять социально-правовую оценку: оправдывать, защищать, обвинять; выражать и выявлять рациональную оценку: сравнивать с нормой, стандартом, оценивать целесообразность, эффективность, возможность (невозможность), истинность, вероятность и др.; выражать и выявлять эмоциональную оценку: высказывать предпочтение, удовольствие (неудовольствие, удивление, любопытство, равнодушие, восхищение, разочарование, раздражение, заинтересованность, страх, обеспокоенность, опасение, надежду».

Кроме того, при аудировании (т.е. восприятии на слух) он должен понимать «содержание законченного по смыслу текста», «достигать необходимых уровней понимания в различных сферах и ситуациях общения в соответствии с заданными параметрами социальных и поведенческих характеристик общения» (т.е. уметь как участник уголовного процесса эмоционально воздействовать на своего собеседника с целью получения от него интересующей работника правоохранительных органов информации), «понимать основные цели и мотивы говорящего, характер его отношения к предмету и реципиенту» (т.е. источнику информации), «понимать основные социально-поведенческие характеристики говорящего».

В вербальном общении (т.е. при говорении) переводчик также должен уметь «организовывать речь в форме диалога, диалога-расспроса, используя развитую тактику речевого общения (начинать и заканчивать разговор в ситуациях различной степени сложности, вербально выражать коммуникативную задачу, уточнять детали сообщения собеседника)», формулировать высказывания, «содержащие описание конкретных и абстрактных объектов, повествование об актуальных для говорящего событиях, рассуждения на актуальные для говорящего темы, содержащие выражение мнения, аргументацию, вывод».

При чтении и письменном переводе текста переводчик должен уметь «извлекать фактическую информацию, выделять основную и второстепенную информацию», «создавать письменный текст, относящийся к официально-деловой сфере общения», «осуществлять дистантное (т.е. на расстоянии) письменное общение, вести записи на основании увиденного и прочитанного с элементами количественной и качественной характеристики»²⁸.

Особое внимание при оценке компетентности переводчика следует обратить на его умение осуществлять дословный письменный перевод текста (в контексте его информативной содержательности и насыщенности) на язык, являющийся родным для участника процесса. Это условие проистекает из положения уголовно-процессуального закона о том, что все следственные и судебные решения (обвинительное заключение, приговор и т.д.), а также иные документы (протокол обыска, подписка о невыезде и т.д.), подлежащие обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и другим участникам процесса, должны изготавливаться не только на языке, на котором ведется судопроизводство по уголовному делу, но и на языке, которым владеет соответствующий участник процесса.

Вопрос об аутентичности перевода, т.е. об его смысловом, стилистическом и композиционном соответствии содержанию оригинала, до сих пор не нашел однозначного ответа не только в юридической науке, но даже в филологии и лингвистике. Если в отношении аутентичности перевода с одного из мировых языков (английского, французского и др.) может быть проведена лингвистическая экспертиза, то оценить достоверность перевода на один из языков народов бывшего Союза ССР рядовому сотруднику правоохранительных органов практически невозможно. (Не секрет, что изучение национальных языков народов бывшего СССР являлось уделом самих этнических носителей этих языков и культур). В этих условиях ответственность переводчика за заведомо неправильный перевод и отстранение его от участия в процессе из-за его некомпетентности являются не более чем юридическими декларациями, не имеющими механизма правоприменения. Это было бы не так страшно, если в результате не страдали конкретные люди, не нарушались нормы правосудия и не падал престиж работников органов охраны правопорядка.

Поэтому одним из способов преодоления этой проблемы, пусть даже половинчатым и частичным, видится определение группы формальных квалифицирующих признаков, соответствие которым, с одной стороны, давало бы безусловную возможность гражданину участвовать в следствии и суде по уголовному делу в качестве переводчика, а с другой стороны, ограждало бы процесс от его возможной некомпетентности. В первую очередь это относится к языкам народов стран ближнего зарубежья, а также к языкам народов России, если их представители проживают дисперсно (в рассеянии) вне мест традиционного расселения. Весьма интересным и поучительным в связи с этим представляется опыт сотрудничества правоохранительных органов Тульской области и Международной общественной организации «Достлуг–Дружба» (далее – МОО «Достлуг–Дружба»), который получил свое официальное оформление в виде подписанного 4 июля 2001 г. Протокола взаимодействия между ними²⁹ (в рамках реализации Протокола о взаимодействии по запросам от органов охраны правопорядка организация из числа своих членов выделяет переводчиков для участия в уголовно-процессуальных действиях). Поскольку данный факт является уникальным для современной Российской Федерации и получил признания международных организаций³⁰, то является достойным объектом для проведения его научного исследования.

МОО «Достлуг–Дружба» очень серьезно относится к отбору кандидатур своих членов, на которых решением ее правления возлагается ответственность осуществления переводов в ходе следственных и судебных действий, хорошо осознавая тот факт, что они представляют организацию перед лицом сотрудников правоохранительных органов. Кроме того, точно, полностью и компетентно своего перевода они зачастую

помогают установить мотивацию совершения противоправного деяния и, если в преступлении была замешана группа лиц, установить степень участия и, следовательно, вины каждого из сообщников. Поэтому при отборе к переводчикам предъявляется ряд жестких требований (думается, что эти формальные критерии также могут быть использованы компетентными должностными лицами при назначении ими переводчиков к участию в уголовном процессе):

- обязательное наличие высшего профессионального образования, полученного в России или на русском языке в одном из ВУЗов бывших союзных республик СССР как формальная гарантия знания переводчиком общенаучной и, желательной, профессиональной лексики;
- проживание на территории России не менее 10 лет или наличие в семье близких родственников, считающих русский язык своим родным, т.е. не только свободно говорящих, но и думающих по-русски, как формальная гарантия знания русского языка;
- обязательно наличие опыта публичной (общественной, политической, профсоюзной) деятельности, умений и навыков работы с людьми, что проверяется на практике или формируется, как правило, участием человека в деятельности национальной общественной организации;
- глубокое знание национального языка, его лексики, грамматики, орфографии и фонетики (не секрет, что некоторые языки народов Кавказа, например, аварский, имеют несколько диалектов, отличающихся друг от друга не только правописанием, но и произношением)³¹.

В качестве дополнительного условия назначения переводчика к участию в уголовном процессе может выступать обязательное наличие у него рекомендации в адрес органа охраны правопорядка от национальной общественной организации, объединяющей этнических носителей языка, на который будет осуществляться перевод, как гарантия свободного владения им приглашаемым специалистом.

Как показывает практика, отсутствие переводчика или его недостаточная компетентность существенно тормозит ход следственного и судебного разбирательства и затягивает процессуальные сроки: от завершения следствия по делу до предъявления подследственному обвинительного заключения в переводе на его родной язык зачастую проходит от полугода до полутора лет, а судебное слушание по делу нередко открывается через два и более года после ареста за совершение противоправного деяния. МОО «Достлуг–Дружба», предоставляя правоохранительным органам переводчиков из числа своих членов, добилась того, что в Тульской области сроки предварительного заключения по отдельным видам преступлений, совершенным выходцами из стран ближнего зарубежья, с момента ареста до оглашения приговора суда сократились до полугода (т.е. в 4 раза)³².

Резюмируя сказанное выше, следует отметить, что проблема лингвометодического сопровождения для обеспечения в уголовном процессе прав граждан, не владеющих языком судопроизводства, реально существует и ждет своего решения. Данная статья является только первой попыткой описания этой проблемы для последующей выработки практических методик и рекомендаций, способных заполнить лакуну между нормотворчеством и правоприменением.

Примечания.

1. *Вестник Конституционного Суда Российской Федерации* (далее – ВКС РФ). – 1995, № 2-3. – С. 42.
2. *Собрание законодательства Российской Федерации* (далее – СЗ РФ). – 1997, № 1. – Ст. 1.

3. СЗ РФ. – 2001, № 51. – Ст. 4825.
4. СЗ РФ. – 1999, № 26. – Ст. 3170.
5. См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (по состоянию на 20 августа 2002 г.) / Под общ. ред. В. М. Лебедева. – М.: Спарк, 2002 (далее – УПК РФ. Комментарий).
6. СЗ РФ. – 2002, № 22. – Ст. 2027.
7. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР (далее – Ведомости РСФСР). – 1991, № 50. – Ст. 1740.
8. СЗ РФ. – 1998, № 31. – Ст. 3804.
9. Бюллетень Верховного Суда СССР (далее – БВС СССР). – 1978, № 4. – С. 10.
10. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, внесенными указами Президента РФ от 9 ноября 1996 г. № 20, от 10 февраля 1998 г. № 173, от 9 июня 2001 г. № 679). – М.: Юридическая литература, 2001. – С. 12, 26.
11. Цит. по: Права человека и судопроизводство: Сборник международных документов. [Human right and the judiciary: A collection of international documents / Edited by F. Quinn & A. Rzepiński]. – Warsaw: Office for Democratic Institutions and Human Rights, 1998. – С. 100.
12. Там же. – С. 237.
13. Там же. – С. 208.
14. Бюллетень Верховного Суда РСФСР (далее – БВС РСФСР). – 1984, № 7. – С. 10.
15. БВС РСФСР. – 1974, № 10. – С. 12.
16. БВС РСФСР. – 1971, № 9. – С. 9.
17. БВС РСФСР. – 1974, № 7. – С. 7.
18. БВС РСФСР. – 1974, № 10. – С. 12.
19. УПК РФ. Комментарий. – С. 45.
20. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному: В 5-ти кн. – М.–СПб.: Златоуст, 1999.
21. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному: Базовый уровень. – М.–СПб.: Златоуст, 1999. – С. 4.
22. Там же. – С. 7-9.
23. УПК РФ. Комментарий. – С. 141-143, 153-154.
24. Там же. – С. 142.
25. Там же. – С. 154.
26. Там же. – С. 46.
27. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному: Второй уровень. Общее владение. – М.–СПб.: Златоуст, 1999. – С. 4.
28. Там же. – С. 10-13.
29. См.: Российское государство и национальная общественность: пути и перспективы социального партнерства: Материалы международного «круглого стола» «Национальные общественные объединения: их роль и место в достижении гражданского мира, согласия и дружбы между народами (Тула, 26-27 апреля 2001 г.). – Тула, Гриф и К°, 2001. – С. 163-165.
30. См. подробнее: Тула: национальные объединения сотрудничают с милицией // ООН в России: деятельность в целях устойчивого развития. – № 3 (16). – 2001, май–июнь. – С. 14; Национальные НПО сотрудничают с милицией // Бюро ЮНЕСКО в Москве: Доклад о деятельности. 2000-2001. – М., 2002. – С. 35-36. См. также: <http://www.culture.of.peace.ru>
31. Кузнецов О. Ю. Диалог – взаимопонимание – взаимодействие: «Тульская» модель взаимоотношений правоохранительных органов Тульской области и Международной общественной организации «Достлуг–Дружба». – Тула: Гриф и К°, 2001. – С. 25-26.
32. Там же. – С. 22.

Поступила 14.11.2002 г.

Кузнецов Олег Юрьевич,
кандидат исторических наук,
Международный юридический институт при Министерстве юстиции РФ

• МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ •

*«Здесь я буду обитать во время дождей,
там я поселюсь летом», – так мечтает безумец
и не помышляет о смерти, а она внезапно приходит
и уносит человека озабоченного, корыстного, рассеянного,
как наводнение смывает спящую деревню.*

*Ни сын, ни отец, ни родные и близкие –
никто не поможет нам, когда поразит нас смерть.
Благой и мудрый, ясно осознавший смысл этого,
найдет себе духовный путь, ведущий к успокоению».*

Мудрость Востока.